

Alexander Kuperdyaev

Миф о родине в романе Кундера *Неведение*

Резюме: В настоящей работе рассматривается роман Милана Кундера *Неведение* (*L'ignorance*, 2000/2003) как иллюстрация формирования повествования о родине в кругах (э)мигрантов с точки зрения литературоведения и культурологии. Особое внимание при этом уделяется критическому анализу представлений о родине и чужбине и осмыслению наиболее важных особенностей этих понятий в контексте мифа о родине в культурной памяти (э)мигрантов. Основной целью работы является анализ нарратива и мифа о родине и их культурное и социальное значение в культурной памяти.

Представления о родине в виде повествований формируются как в индивидуальной, так и в коллективной культуре памяти. Поскольку такие повествования многослойны и весьма разнообразны, в данной статье мы ограничимся ключевыми моментами, описанными в романе Кундера, а именно жизнью и интеграцией главных героев на «новой родине», формированием представлений о «старой родине» и мифом о возвращении. Воображаемая издалека родина легко становится индивидуальным, а часто и коллективным «местом памяти», которое играет одну из важнейших ролей в формировании идентичности и представлений о себе и окружающем мире. Так в диалоге собственной и чужой культуры рождаются нарратив и миф о родине. Поиск ответа на вопрос, являются ли они лишь иллюзией и фантазией, открывает горизонты более глубокого понимания проблем культурной памяти индивидов и коллективов.

Ключевые слова: культура памяти, культурный нарратив/повествование, миф, родина, чужбина, эмиграция, возвращение, Милан Кундера, *Неведение*

Милан Кундера в романе *Неведение* (*L'ignorance*, 2000/2003) обращается к темам эмиграции, принадлежности человека к определённом культурному кругу, адаптации к новой культуре, а также к теме возвращения (э)мигранта на родину. Такая тематика сразу вызвала полемику об автобиографичности романа, но, хотя Кундера считается одним из эмигрантских авторов, связь между его произве-

дениями и жизнью самого писателя во многом основана на догадках, поскольку его официальная биография содержит всего два предложения: «Милан Кундера родился в Чехословакии. С 1975 года он живёт во Франции» (Frank 2008: 79).

Подвергается сомнению и статус эмигранта, так как изначально Кундера уезжал из Чехословакии во Францию по официальному приглашению и не был ни эмигрантом, ни беглецом¹ в отличие от героев романа. О принадлежности Кундеры к определенной культуре и его идентичности как человека и писателя также до сих пор идут споры. Йованка Шотолова обращает внимание на то, что, хотя Кундера и стал известным благодаря своей французской идентичности, наиболее важным для него было быть писателем и европейцем.² В разных источниках Кундере называют чехословацким, чешским, французским (Шерлаимова 2014: 172) или даже восточноевропейским писателем (Мелић 2012: 426).

Роман *Неведение* относится к «французскому периоду» в творчестве Кундеры, начало которого приходится на конец эпохи коммунизма в Чехословакии, когда автор начинает писать исключительно на французском, ограничивая при этом переводы своих произведений на чешский язык.³

Впервые он был опубликован в 2000 году на испанском языке. Французский оригинал появился через 3 года (ср. Boyer-Weinmann 2009: 121), а чешский перевод (*Nevědění*) вышел много лет спустя, в ноябре 2021 года.⁴ Книга в свете противоречивых отношений писателя как к «старой», так и к «новой» родине была воспринята некоторыми критиками и читателями как попытка примирения с Францией, попытка рассказать о своём эмигрантском опыте, об (э)мигранте таким, каким он видит себя сам и каким его видят другие. При этом, лейтмотивом данного произведения, по мнению критиков, стала идея непринадлежности к какой-либо определённой культуре (ср. Kalinić 2019: 189), а также идея невозможности возвращения на родину (ср. Мелић 2012: 413).

1 Ср. Jovanka Šotolová: [2023]: Jeho Pařížané mu rozumějí? Доступно онлайн по адресу: <https://www.iliteratura.cz/clanek/46517-iliglota-jeho-parizane-mu-rozumeji>, проверено 10.02.2024

2 Там же.

3 *Na překlad čekají romány: „Pomalost“, „Identita“, „Nevědomost“ a některé eseje.* Marie Baboráková (2010): Milan Kundera: spisovatel, překladatel a dramatik. Доступно онлайн по адресу: <http://www.spisovatele.cz/milan-kundera>, проверено 10.02.2024.

4 *V brněnském nakladatelství Atlantis vychází český překlad románu Milana Kundery Nevědění.* Доступно онлайн по адресу: <https://www.novinky.cz/clanek/kultura-v-cestine-vychazi-starsi-kunderuv-roman-nevedeni-40377018>, проверено 10.02.2024

В настоящей работе мы, опираясь на анализ текста романа на нескольких языках, проиллюстрируем формирование нарратива о родине в кругах (э)мигрантов с точки зрения литературоведения и культурологии, уделяя при этом особое внимание мифическому компоненту, а также определим их культурную и социальную значимость в индивидуальной и коллективной памяти. Ведь именно память, где формируются и сохраняются представления о родине и чужбине, где сама родина и мечта о возвращении на родину может трансформироваться в миф, играет ключевую роль при рассмотрении таких нарративов и мифов (ср. Frank 2008: 95).

Родина и чужбина между нарративом и мифом в культуре памяти

Представления о родине в виде повествований или нарративов формируются как в индивидуальной, так и в коллективной культуре памяти. Для каждого человека нарратив о родине содержит в себе как коллективные, так и индивидуальные представления, связанные с определённым географическим, культурно-историческим или национальным пространством и сохраняемые в личной памяти. В коллективной памяти такие представления коррелируют с идеей малой родины или родины как государственности.

Границы таких *повествований* в культуре памяти характеризуются нечёткостью и мозаичностью, что осложняет определение понятия «родина» с научной точки зрения. Верена Шмитт-Рошманн подчеркивает, что едва ли какой-либо другой термин в немецкоязычной науке подвержен такому влиянию эмоциональных представлений, а также находится под таким давлением господствующей идеологии (Schmitt-Roschmann 2010: 10).

Следует отметить, что при определении понятия «родина» незримо присутствует и «чужбина» (Schmitt-Roschmann 2010: 13). Два противоположных понятия зачастую играют ключевую роль в нарративном повествовании, контраст и противоречия между представлениями о родине и чужбине являются основополагающими моментами в рамках нарративов, формирующих идентичность человека и коллектива, что в свою очередь оказывает глубокое влияние на представления, на взаимодействие друг с другом и в целом на жизнь индивидов и коллективов. Культурная значимость таких повествований заключается в том, что они субъективно определяют, что может и должно считаться своим, важным или даже правильным. При этом при определении своего взгляд также обращён за пределы этого культурного простора на чужое, чуждое и нередко неправильное.

При определении понятия «родина» следует обратить внимание на национальный компонент, который может быть обусловлен

историко-культурный факторами и даже самим языком и его языковой картиной мира, где русская «родина», немецкая «Heimat», французская «patrie» и сербская «домовина» играют всё-таки разную роль.

Так в немецкоязычной культуре 20 и 21 века тема «родины» представлена слабо, что объясняется участием Германии в двух мировых войнах, а также преступлениями против человечества (ср. Assmann 2007: 166–170). Идея родины как государственности перестает играть ключевую роль в определении идентичности человека (Köstlin 1996: 322). В то же время, например, в русской или сербской культуре соответствующие концепты играют важную роль, в частности в песенной культуре (Мукосеева 2009: 230) или в поэзии 20 века (Ристић, Лазић-Коњик 2022: 83). В романе Кундеры *Неведение* национальный компонент выражен слабо: книга написана на французском языке с чешскими героями – Иреней и Йозефом, которые якобы даже «забыли» родной язык. В настоящей работе мы оставим языковую и культурную специфику без дальнейшего рассмотрения, принимая во внимание позицию автора и сложный контекст, в котором была написана книга. При прочтении текста романа на нескольких языках (русский, немецкий, сербский и французский) в глаза бросается в первую очередь простой и лаконичный стиль Кундеры, словно все эти тексты разные языковые версии одного неизвестного оригинала. При анализе разных языковых вариантов создается ощущение непринадлежности романа к какой-либо культуре за исключением редких моментов, где автор говорит о родном языке и появляются концепты языковой картины мира, например, чешский «stesk» – тоска.

Представления о родине становятся значимы вне зависимости от культурного и языкового контекста в том случае, когда теряется чувство принадлежности к привычному миру, в котором себя человек ощущал своим. Такое случается с человеком, даже когда он переезжает внутри своей страны, если главным для него была малая родина, а эмоциональная привязка к семье, друзьям или привычному укладу жизни являлась важным жизненным компонентом. При переезде, а тем более эмиграции в другую страну, язык и культуру значимость представлений о родине вырастает в разы (ср. Schmitt-Roschmann 2010: 14–15). Одновременно с этим вырастает значение субъективности в восприятии родины и в представлениях о ней, которые переплетаются с ностальгией и тоской по прошлому и утерянному. В таких ситуациях родина может становиться утопией и мифом:

Родина – это не-место <...>. Родина – это утопия. Чувство родины ощущается наиболее сильно, когда вы находитесь далеко и скуча-

ете по ней; настоящее чувство родины – это тоска по ней/ностальгия. Но даже когда вы не в отъезде, это чувство подпитывается тем, чего (человеку) не хватает, тем, чего уже нет или ещё нет. Ведь воспоминания и тоска – это то, что делает место родиной (Schlink 2000: 32).

Представления о родине на чужбине нередко возникают под сильнейшим влиянием тоски и ностальгии, которые порождают вопросы о принадлежности к определённом культурному кругу и будущему. Эти вопросы становятся особенно острыми, когда человек планирует будущее на чужбине, где для многих (э)мигрантов родина становится нарративным мифом, нередко вымышленным «местом памяти», которое закрепляется как в индивидуальной, так и в коллективной культуре памяти (ср. Schmitt-Roschmann 2010: 10–14).

Что же такое миф в нашем случае? Под мифом обычно подразумевается один из подтипов упрощённого повествования, в котором, например, миф о родине выполняет роль посредника между текущей жизненной ситуацией и прошлой жизнью на родине.

При этом следует отметить, что существует два пути формирования представлений о родине: путь критического анализа и путь мифификации и упрощения, при котором индивид нередко включает себя самого в ту «систему», в которой его ожидают увидеть другие. Оба способа не являются взаимоисключающими, однако по пути мифификации идти значительно легче, ведь содержательные элементы в нём связаны с яркими эмоциональными переживаниями. При таком «мифическом» или упрощённом объяснении действительности факты и критический анализ, как правило, не важны. Культурная память, находящаяся под влиянием мифа, «...рассматривает события только с одной интересной точки зрения; не терпит многозначности; редуцирует значение событий до мифологических архетипов» (Novick 2001: 14). По мнению Алейды Ассман миф – это «аффективное усвоение и познание собственной истории, которое сохраняет присутствие прошлого в настоящем» (Assmann 2007: 40). Такое рассмотрение собственной истории придаёт настоящему смысл и определяет направление развития будущего.

Одно из самых точных определений мифа, по нашему мнению, даёт Дёрдь Шепфлин:

<...> миф – это набор убеждений, обычно представленный в виде нарратива, распространённого в обществе о себе самом. В центре мифа – восприятие, а не <...> подтвержденные факты <...>, о том, как коллективы рассматривают одни константы как нормальные и естественные, а другие – как извращенные и чуждые (Schöpfli 1997: 19).

В такой интерпретации родина (э)мигранта иногда предстает в коллективной культуре памяти как «потерянный рай» и «земля обетованная», зачастую связанная с воспоминаниями об эмиграции, даже если эти воспоминания отсутствуют в индивидуальной памяти (ср. Glesener 2008: 103). Чужбина же представляется местом изгнания и страданий. Следует отметить, что такое происходит не всегда: старая родина также может упрощенно представляться местом угнетения и страдания, а новая наоборот местом возможностей и свободы. И в том и другом случае такие представления далеки от объективной реальности.

Миф о родине в культуре памяти «пестует» мысли о стране происхождения (э)мигранта, его родном языке, истории и культуре, одновременно осуществляя их оценку и значимость в жизни человека. Причём оценка значимости может быть как положительной, так и отрицательной. Миф становится частью нарратива, формирующего идентичность человека. Он «обещает» определить и разграничить то, что является собственным и, следовательно, важным от чужого и чуждого.

Согласно Морису Хальбваксу, коллективная память определяет мысли и действия конкретных групп людей, потому что пересказ и интерпретация событий продолжают жить в этом сообществе (ср. Halbwachs 1967: 35–36). Миф о родине отвечает на важные вопросы, возникающие у человека: к какому миру я принадлежу и как мне приспособиться к тому обществу, где я живу? Поскольку миф изначально характеризуется упрощением, то и ответы он даёт однозначные и понятные индивиду или сообществу (э)мигрантов, которые, с одной стороны, освобождают «вопрошающего» от длительного самоанализа, а, с другой стороны, эти ответы нередко базируются на ожиданиях и суждениях «других», которые видят или хотят видеть (э)мигранта именно так. Миф облегчает категоризацию людей, сообществ и культур, другими словами, «навешивает» на них ярлыки и судит о них в соответствии с их лояльностью к этим ярлыкам.

Суть и структура мифа о родине неизменна: конструирование образа родины, создание индивидуального и коллективного нарратива о родине и чужбине, а также индивидуальное самоопределение и нахождение своего места в обществе.

Нередко для человека оказывается более удобным приспособиться к самым распространённым константам таких мифов, оправдывая тем самым ожидания «других». Однако, в такие моменты, когда тема родины и принадлежности к определённой культуре приобретает действительную жизненную и практическую важность, например, при попытке отстоять свою идентичность в новом обществе или при

желании вернуться на прежнюю родину, проявляется во многом упрощённый в своих константах характер мифа о родине и чужбине.

В таком контексте роман Кундеры *Неведение* представляется особенно интересным, потому что в этой книге автор размышляет над культурой памяти и показывает, насколько разной она может быть у индивидов и коллективов, а также демонстрирует как формируется нарратив и миф о родине и чужбине. С другой стороны, на примерах двух главных героев – Ирены и Йозефа – в романе показана суровая реальность схематичности ответов, которые даёт миф на жизненно важные вопросы.

Родина героев Кундеры между воспоминаниями и забвением

Кундера начинает вторую главу романа *Неведение* с рассуждений, в которых он интерпретирует название произведения. Согласно Кундере, ностальгия (греч. «νότος» – возвращение на родину и «ἄλγος» – страдание) – это страдание, вызванное неосуществленным желанием вернуться на родину. В романских же языках есть такие глаголы, как «enuogar» на каталанском или «añogar» на кастильском, которые также несут в себе значение «тосковать» или «ностальгировать». Однако эти глаголы образованы от латинского «ignogare», которое первоначально имело значение «не знать», «не ведать», «быть в неведении». Таким образом ностальгия предстает как страдание от незнания. Попытка преодолеть боль от этого страдания, боль от незнания и неведения того, где находится твоя родина, к какому миру ты принадлежишь, красной нитью проходит через всё это произведение.

В своих философских рассуждениях Кундера предпочитает помнить, здесь идентичность коренится в памяти, а страдания связаны с покинутой родиной: «Ты далеко, и я не знаю, что с тобой. Моя страна далеко, и я не знаю, что там происходит» (Кундера 2004: глава 2; Kundera 2007: 8).⁵

В отличие от рассказчика в его размышлениях, главные герои этого произведения – Ирена и Йозеф – попытаются предать забвению старую родину. В «Неведении» Ирена и Йозеф становятся в своём роде антиподами античного Одиссея, который всегда хранил память о своей родине. Во всех своих путешествиях он оставался тем, кем он был раньше на Итаке, сохраняя не только память о своей родине, но и свою идентичность, принадлежность к определённому культурному кругу (ср. Костина 2013: 87). Самым важным моментом станет, конеч-

⁵ Здесь и далее все ссылки даны на две версии романа на русском и немецком языке.

но же, «Великое возвращение» Одиссея на родину, которое будет перекликаться с судьбами главных героев романа *Неведение*.

Великое возвращение, которое можно рассматривать как часть нарратива и мифа о родине, появляется уже на первых страницах романа, где чешскую эмигрантку Ирону, живущую в Париже уже 20 лет, упрекают в том, почему она все еще во Франции. В Чехословакии происходит революция, и настало время возвращаться. Для Ирены это тоже будет «великое возвращение».

Когда-то Одиссей предпочёл покончить с «неведением», с бесконечным приключением жизни и выбрал возвращение, по мнению рассказчика, знакомое и конечное, то, что он годами хранил в памяти. Другими словами, Одиссей покончил со страданием и нашёл своё место, к которому он принадлежит. Может ли быть такое возвращение великим для главных героев романа Кундеры, ведь они отличаются от Одиссея тем, что пытались родину предать забвению?

Рассказчик, а может быть, и сам автор связывает «Одиссею» Гомера с возникновением мифа об обязательном или великом возвращении на родину, ведь этому решению Одиссея всегда придавали значение наиболее нравственного в иерархии чувств. Так появилась идея, что желание вернуться предопределено и естественно, а его отсутствие не прощается ни «изнутри», ни «извне».

В представлении Кундеры идея о возвращении основана на том, что для многих (э)мигрантов оно всегда было приятным мифом человека якобы страдающего и тоскующего по родине; мечтой о возвращении, но только с оговоркой, что она никогда не осуществится. Миф породил нерефлексирующую веру в то, что человек хочет вернуться, как только представится возможность. Такое же искреннее убеждение сформировалось во внешней среде: в тех странах, куда приезжали (э)мигранты также ожидалось, что (э)мигранты, изгнанные и страдающие по родине, непрестанно мечтают вернуться.

Таким образом даже хорошо знающие главных героев люди, друзья и коллеги, видят в Ирене и Йозефе чехословацких эмигрантов, изгнанников и страдальцев по родине. Их судят по их верности своему ярлыку страдающего эмигранта и даже сильно удивляются тому, что, например, Ирена не горит желанием возвращаться на родину. Особенно ярко это можно увидеть, когда даже близкий друг Ирены, от которого Ирена не скрывала своих мыслей, видит в ней только страдающую по родине эмигрантку:

Она никогда не утаивала от него своих мыслей, у него была возможность хорошо узнать ее; и все-таки он видел ее точно такой, какой видели ее окружающие: молодой женщиной-страдалицей, изгнанной из своей страны (Кундера 2004: глава 6; Kundera 2007: 24).

Миф побуждает двух главных героев, Ирину и Йозефа, отправиться в Чехию, чтобы, возможно, заново начать там свою «новую-старую» жизнь. Кундера выступает, против мифа, рисуя лишь яркую и упрощённую картину, которая имеет мало общего с реальной родиной. В конце романа автор якобы даже собственноручно «деконструирует» миф о счастливом возвращении на родину на примере Ирины и Йозефа.

В первые годы жизни в Париже Ирину преследовали «эмигрантские кошмары»: то ее самолет снова приземляется в Праге, и перед ней стоит чехословацкая полиция, то в незнакомом городе к ней подбегают женщины с пивными кружками, смеются, и Ирена понимает, что она снова в Праге. В 1989 году границы снова открыты. Ирена слышит от своих друзей во Франции, а также на своей старой родине, что настало время возвращаться. Никто не хочет ее слушать и понимать, когда она объясняет, что ее жизнь уже давно прошла здесь, в Париже, и что 20 лет – это большой срок. Теперь «эмигрантский сон-кошмар» Ирины должен исполниться: на первом ужине со старыми друзьями, где она хочет рассказать им о 20 годах жизни во Франции, о том, каким человеком она стала, ее окружает группа смеющихся женщин с пивными кружками. Эти женщины не хотят ничего знать о ее 20 годах во Франции. Они связывают Ирину из 1968 года с Ириной сегодняшней. Они не знают Ирину между 1969 и 1989 годами, не принимают ее и не могут ей простить, если она не может вспомнить какую-нибудь незначительную деталь из жизни в Чехословакии. В то же время Ирена особенно хорошо помнит последние 20 лет жизни, но давным-давно в значительной степени предала забвению свою жизнь до 1969 года (ср. Кундера 2004: глава 11; Kundera 2007: 43–43).

Последние годы Йозеф провел в Дании. Он возвращается в Чехословакию немного позже Ирины. Он не узнает пейзаж и уже не знает дороги в родной город, хотя все осталось по-прежнему. Он также сталкивается с тем, что оставшиеся в Чехословакии родственники и знакомые не интересуются тем, как прошли годы его жизни на чужбине. Никто не задает вопросов о его жене, которую он очень любил. Но при этом родственники полагают, что все, что произошло с людьми, которых Йозеф знал когда-то в прошлом, должно иметь для него огромное значение (ср. Кундера 2004: глава 19; Kundera 2007: 65–66).

Что же на самом деле сделало возвращение Ирины и Йозефа таким трудным? Из каких элементов действительно складывается их нарратив о родине и насколько он мифичен? Какую при этом роль играет культура памяти, индивидуальная ли она или коллективная?

Память и её актуализация играют центральную роль в ответах на эти вопросы. Ирена и Йозеф уже встречались однажды, 20 лет назад. Для нее, например, это воспоминание всегда оставалось ярким. Он же забыл об этом, но скрывает, что он даже не помнит имени Ирены.

Память Ирены о родине и о жизни в Чехословакии в целом выражена гораздо ярче, нежели у Йозефа. У нее сохранились в памяти фрагменты воспоминаний о «своей» Праге и определенное представление о родине в целом. Интересно отметить, какие сны иногда снились Ирене: она купила в Праге старомодное платье и тут же с ужасом представила, какой она могла бы стать, если бы не эмигрировала. У Ирены почти нет счастливых воспоминаний о родине: мать угнетала ее, а потом она вышла замуж, чтобы сбежать из дома. Но и тогда она не стала самостоятельной личностью. Она неплохо все помнит, но эти воспоминания, как правило, выбивают ее из колеи. В значительной степени Ирена даже активно пытается забыть родину.

Только во Франции она стала «человеком»; много работала, также была временами несчастна, но все же построила свою самостоятельную жизнь. Те, кто остался в Праге, не приняли в Ирене «этого человека». Возвращаясь в Чехословакию, она также возвращается в состояние, в котором она еще не существовала как «личность», где у нее не было голоса.

Интересно, что Ирене фактически нечего сказать, когда она находится в Праге: почти все старые знакомые ничего не хотят слышать о её жизни во Франции, а её друг Густав начинает разговаривать с ней на английском, который она плохо понимает. Ирена снова теряет свой голос: она остается одна в своих чешских воспоминаниях, наедине с родным городом, с прекрасными, но для Ирены пустыми площадями и зданиями, с затерявшимися во мгле прошлого воспоминаниями, в которые Ирена может ещё раз погрузиться, но вернуться в них навсегда она не может и не хочет. Поэтому она потеряет этот город ещё раз без сожаления, ведь она заслужила собственную жизнь, а собственная жизнь у неё есть только в Париже (ср. Кундера 2004: глава 37; Kundera 2007: 124–128).

Нарратив Ирены о родине слабо подвержен процессам мифизации и является индивидуальным, поскольку хранится у неё в личной памяти. Личные переживания для неё выше каких-либо коллективных представлений и идей; она стремится забыть родину из-за семейных драм и трагедий, в частности из-за отношений с её матерью. По этой же причине Ирена, говоря научным языком, переживает деконструкцию мифа о чужбине, когда после визита матери в

Париж, вдруг понимает, что на чужбине она вовсе не несчастна, ведь вдали от матери у неё появляется чувство личной свободы.

Несколько иная ситуация у второго главного героя: воспоминания у Йозефа нечёткие, он даже не узнает улицы своего родного провинциального городка. Он хочет забыть, потому что вспоминает только те ситуации, которые делают его недовольным собой:

<...> он не испытывает никакой привязанности к этому столь робко просвечивающему прошлому; никакого желания возвращаться; ничего, кроме легкой отстраненности; безразличие (Кундера 2004: глава 20; Kundera 2007: 69).

Его предполагаемая забывчивость является результатом скорее коллективной памяти и его политических взглядов, ведь он эмигрировал из страны, потому что не хотел жить в Чехословакии, где люди были готовы вывешивать на домах советские красные флаги, хотя их никто об этом и не просил. Представления и идеи коллективов играют для него гораздо большую роль, поскольку по приезду в Чехию он идёт к знакомому коммунисту Н., чтобы поговорить с ним о смысле жизни, спросить его, считает ли тот коммунист свою жизнь ошибкой:

Как он жил все эти годы, пока они не виделись? Что он думал о русской оккупации страны? И как он пережил закат коммунизма, в который когда-то верил, искренне, честно? (Кундера 2004: глава 38; Kundera 2007: 130).

Йозеф не может выстроить отношения с прошлым, поскольку считает, что память «оговаривает» его, делает его прошлую жизнь малозначительной. Он выбирает забвение и возвращение на чужбину, ведь сегодняшняя родина напоминает ему «старую», где по-прежнему добровольно вывешиваются флаги, только уже другие. Его неприятие страны и культуры, не умеющей быть независимой настолько велико, что чешский язык ему кажется совсем незнакомым, монотонным и скучным (ср. Кундера 2004: глава 53; Kundera 2007: 179).

В отличие от Ирены, культурный нарратив Йозефа в значительной степени переплетается с коллективными представлениями и в некоторой степени подвержен мифизации, хотя Кундера в «Неведении» уже не столь категоричен при определении того, где находится «свобода», а где «не-свобода». Быть может, он наконец вспомнил, кто и как осуществил предыдущую оккупацию его страны? Может быть, автор захотел примирения не только с рационалистическим Западом, но и с эмоциональным Востоком (ср. Кузнецов 2002: 223), вкладывая в уста Йозефа следующие слова:

Но эти нации нынче менее независимы, чем когда-либо. Они не в состоянии определять ни свою экономику, ни внешнюю политику, ни даже собственные рекламные слоганы (Кундера 2004: глава 41; Kundera 2007: 143).

Оба главных героя также пытаются осмыслить идею о том, что происходит с памятью с течением времени. Йозеф приходит к выводу, что воспоминания можно сохранить только в том случае, если к ним постоянно обращаться. В романе оба героя выбирают забвение – они не хотят вспоминать. У них слишком мало приятных воспоминаний, которые могли бы питать индивидуальную и коллективную культуру памяти в долгосрочной перспективе и которые могли бы помочь сохранить прочную связь с родиной. А ведь без таких прочных связей никакое возвращение невозможно. У Ирены формируется индивидуальный нарратив о родине, который просто не может быть для неё стимулом вернуться в Прагу. Йозеф пытается забыть о своём личном прошлом, обращаясь к коллективным нередко мифическим представлениям о родине и чужбине.

Кундера в «Неведении» словно оправдывает своих героев и (э)мигранта в целом и напоминает, что жизнь человека коротка, нет времени на воспоминания, нет времени на ностальгию. Если бы человеку после 20 или 30 лет в эмиграции, было дано ещё 100 лет жизни, то, наверное, тогда всегда было бы возможно и «Великое возвращение» (ср. Кундера 2004: глава 34; Kundera 2007: 112).

Герои романа выбирают забвение и жизнь на чужбине, другими словами, они выбирают непринадлежность к какой-либо культуре, отказываясь от своей идентичности. В какой-то момент может показаться, что Кундера говорит о невозможности возвращения вообще, о непринадлежности (э)мигранта к какой-либо культуре в целом. Однако концовка романа горька и безрадостна: на чужбине ни у Ирены, ни у Йозефа нет ничего кроме иллюзорной «свободы от прошлого» и одиночества, что делает такой выбор неочевидным и не универсальным, а личным и подходящим только для этих двух героев, если вспомнить как и по каким причинам формировался нарратив о родине у этих двух героев и какую роль при этом сыграла культурная память.

В этом свете, может быть, как раз в этом произведении Кундера в финале показывает, что нарратив о родине, связь с родиной и свою идентичность стоило бы сохранить или хотя бы примириться с ней, чтобы строить будущую жизнь. С другой стороны, вполне вероятно, что роман *Неведение* и есть философская притча о том, что возвращение на родину как раз возможно, если только не помешает забвение и её вездесущий спутник – миф.

Литература

- Костина, Екатерина. „Помнить или забывать: размышляя над романом Милана Кундеры *Неведение*“. *Ученые записки Казанского университета*. Том 155, кн. 1 (2013): 83 – 89.
- Кундера, Милан. *Неведение*. Москва: Азбука-классика, 2004.
- Кузнецов, Павел. „Эмиграция, изгнание, Кундера и Достоевский“. *Журнал Звезда* 4 (2002): 220–223.
- Мелић, Катарина. „Егзил или велики повратак у роману Незнање Милана Кундере.“ *Књижевна историја: часопис за науку о књижевности* 44 (2012): 413 – 428.
- Мукосеева, Елена. „Понятие Родина в русской песне XX века“. *Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена*. СПб., 102 (2009): 230–235.
- Ристић, Стана, Лазић-Коњик, Ивана. „Концепт домовина у српском језику (на системском материјалу)“. *Conversatoria Linguistica* (2022): 79–97.
- Шерлаимова, Светлана: *Милан Кундера и его романная философия*. Москва: Индрик, 2014.
- Assmann, Aleida. *Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2007.
- Boyer-Weinmann, Martine. *Lire Milan Kundera*. Paris: Armand Colin, 2009.
- Frank, Søren. *Migration and literature. Günter Grass, Milan Kundera, Salman Rushdie, and Jan Kjærstad*. New York: Palgrave Macmillan, 2008.
- Glesener, Jeanne E. „The Migrant must invent the earth beneath his feet: Mythologizing of Home in Migrant Literature“. *Interlitteraria* 13 (2008): 100–114.
- Halbwachs, Maurice. *Das kollektive Gedächtnis*. Stuttgart: Enke, 1967.
- Kalinić, Snežana. „Exile as a 'One-way Trip' Illusory Return in Charles Baudelaire, Isidora Sekulić, Thomas Bernhard, and Milan Kundera“. *Migrations: Literary and Linguistic Aspects*. Ed by I. Fabijanić, L. Štrmelj, V. Ukić Košta, M. Bregović. Berlin: Peter Lang, 2019, 189–205.
- Köstlin, Konrad. „Heimat als Identitätsfabrik“. *Österreichische Zeitschrift für Volkskunde* 99 (1996): 321–338.
- Kundera, Milan. *Die Unwissenheit*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2007.
- Novick, Peter. *Nach dem Holocaust. Der Umgang mit dem Massenmord*. Stuttgart, München: Dt. Verl.-Anst., 2001.
- Schlink, Bernhard: *Heimat als Utopie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2000.
- Schmitt-Roschmann, Verena. *Heimat. Neuentdeckung eines verpönten Gefühls*. Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus, 2010.
- Schöpfung, George. *The Functions of Myth and a Taxonomy of Myths. Myths & Nationhood*. Ed. Geoffrey Hosking, George Schöpfung. London: Hurst, 1997.

Александар Купердјајев

МИТ О ДОМОВИНИ У КУНДЕРИНОМ РОМАНУ *НЕЗНАЊЕ*

У раду се разматра роман Милана Кундере *Незнање* (*L'ignorance*, 2000/2003) као илустрација формирања наратива о домовини у круговима (е)миграната с тачке гледишта науке о књижевности и културологије. Посебна пажња је посвећена критичкој анализи представа о домовини и туђини и приказу најважнијих одлика ових концепата у контексту мита о домовини у културном памћењу (е)миграната. Циљ рада је да се критички сагледа формирање таквих наратива и митова и њихов културни и друштвени значај у култури памћења.

Представе о домовини у облику наратива се формирају и у индивидуалној и у колективној култури памћења. Пошто су такви наративи веома слојевити и разуђени, у раду је њихов опсег омеђен кључним моментима који су приказани у Кундерином роману, а то су живот и интеграција главних ликова у „нову домовину“ и формирање представа о „старој домовини“ и мита о повратку. Замишљена домовина која се налази негде далеко постаје индивидуално, а често и колективно место сећања које игра једну од најважнијих улога у проналажењу или непроналажењу идентитета и представа о себи и окружењу.

Кундера у свом роману *Незнање* пише о могућности, односно немогућности правога повратка у домовину, о идентитету, припадању, односно неприпадању одређеној култури у савременом свету осврћући се на мит о Одисеју. Роман се бави двема важним темама: културом памћења, индивидуалним и колективним сећањима (е)миграната на стару домовину и формирањем наратива и мита о домовини и туђини и о повратку у домовину. Такви наративи и митови, који се преносе у (е)мигрантским круговима, одговарају, такође, и на веома важна животна питања двоје главних јунака романа – Ирене и Јозефа. Суочавање с прошлошћу и старом домовином на примеру животних драма Ирене и Јозефа, посебно када они безуспешно покушавају да се врате у Чешку, ипак не може да постане путоказ свим осталим (е)мигрантима. Одлучујућу улогу у сваком конкретном случају заправо играју индивидуални значај личног или колективног у културном памћењу, значај личног и колективног у наративу и миту о домовини, јер само сећања негују културу памћења у којој настају и остају наративи, митови и праве везе с домовином, прошлошћу и идентитетом.

Кључне речи: култура памћења, културни наратив, мит, домовина, туђина, емиграција, повратак, Милан Кундера, *Незнање*